

ПИСЬМО В. ЛОССКОГО Н. А. БЕРДЯЕВУ *

Глубокоуважаемый Николай Александрович, на Ваше письмо мне трудно отвечать, так как расхождение наше слишком глубокое. Однако я вполне понимаю Вашу установку, Вы же, считая себя защитником свободы мысли, наших высказываний не хотите ни понять, ни допустить как возможных. Отрицая начало власти, Вы властью редактора «Пути» отказываетесь поместить на его страницах разъяснение людей, мыслящих иначе, чем Вы. Признавая начало власти, мы не настаиваем. Однако не могу не ответить по пунктам на Ваши обвинения.

1. Если статья на Вашу точку зрения, то, конечно, выражение своего критического мнения лицу, облеченному властью, есть донос. Отсюда следует, что, отвечая на запрос Иерарха, мы должны были бы — чтобы не стать «доносчиками» — уклониться от всякого ответа, т. е. признать, что вопросами учения в Церкви могут заниматься все, кроме иерархов церкви.

2. Вы говорите, что «харизмы¹ власти вообще не существуют». Не знаю, на чем Вы основываете это столь решительное утверждение. Апостол Павел, несомненно обладавший даром «различения духов», держится иного мнения. Перечисляя харизмы, он упоминает и «управления» (I Кор. 12, 28), обращаясь же к наделенным Дарами благодати в Церкви, назидает и «начальствующих», которые должны начальствовать «с усердием» (Рим. 12, 6—8). Я мог бы привести еще множество свидетельств, но боюсь, что Вы упрекнете меня в текстопоклонстве и слепом подчинении авторитету, хотя бы и Священного Писания.

* Письмо В. Лосского ко мне, которое печатает «Путь», есть уже ответ на мое частное письмо к нему, написанное по поводу моего отказа напечатать в «Пути» документ Фотиевского братства, еще раз осуждающий о. С. Булгакова.

Власть, как начало порядка, несомненно есть благо. Недаром и Устроитель мирового порядка называется Господом, откуда именуется всякое господство на небесах и на земле. Она становится насилием только вследствие человеческого несовершенства и греха, черты же «греха властвования» приобретает, только если низшее господствует над высшим, например когда государство подчиняет себе Церковь или иерархии Церкви, забывая о превосходстве своей духовной власти, обращаются к светским насильственным мерам господствования («дымное надмение светской власти», по канонам). Порядок в церковной жизни, осуществляемый носителями «харизмы власти», иерархией, распространяется на все свободные проявления Духа — даже на пророчествования (I Кор., 14), для которых апостол учреждает особые правила. И здесь нет «угашения Духа», поскольку сама власть в Церкви также является харизмой, от того же Духа Святого, которым, строясь из различных дарований и служений, «все здание, слагаясь стройно, возрастает в светлый храм в Господи» (Еф. 2, 21).

Вне этого богоустановленного порядка никогда не проявлялись действия Святого Духа — если не считать Его проявлениями беспорядочную духовную жизнь некоторых мистических сект, вроде средневековых «братьев свободного духа» или наших хлыстов².

3. Отрицать свободу человеческой мысли или утверждать, что она должна протекать «через административные указы», я думаю, не приходило в голову и Аракчееву; тем менее — сознательным членам Церкви. Но защита свободы мысли в Церкви не может принимать формы защиты свободы моей мысли от Истины, данной в полноте Церкви Духом Святым. Мое богословствование свободно, но чтобы вполне явилась в нем Истина, я должен свободно покориться Истине, свободно признать себя несвободным от греха, тварной ограниченности, самостной замкнутости, испорченности ума. Только перестраивая все свое существо, «совлекаясь себя», обновляя свой ум, мысля иными законами, ему не свойственными, постоянно превышая себя, можно достигнуть полноты богопостижения, к которой призваны все члены Церкви, ибо всем дан Дух Истины. Догматы Церкви имеют прежде всего апофатический характер, воспитывая ум к отрешению от его обычных законов мышления, свидетельствуя о его ограниченности и несовершенстве. Это не значит, что догматы являются откуда-то извне, как *Deus ex machina*; это значит, что Дух Святой не только усваивает Церкви Истину, но также и пути к ее совершенному, сознательному,

творческому постижению. Но диалектика этого постижения иная, чем во всяком другом творчестве. Начало ее — послушание, т. е. признание, что Истина не зависит от моих творческих усилий, я ничего от себя к ней прибавить не могу; путь — освобождение от своей ограниченности; достижение — тождество моего сознания и Истины, «ум Христов», т. е. совершенная свобода ума, творящего или налагающего догматы силою Святого Духа, которая становится нашей силой. Здесь отсутствует противоположность субъекта и объекта в постижении Истины: «Познайте Истину, и Истина сделает вас свободными». В этом сокровенный «Ватиканский догмат» православия. Я беру на себя смелость утверждать, что Ваша «профетическая философия» (не касаясь здесь ее содержания) может быть развиваема Вами именно потому, что Вы как сын Церкви внутренне ощущаете необходимость этой высочайшей свободы. Однако путь к этой свободе через свободное послушание Истине, через «совлечение своего», Вы отрицаете, а потому остаетесь субъектом перед лицом внешнего объекта (Истины) или же сам объект превращаете в продукт творчества субъекта. Отцы никогда не отстаивали *своего* творчества в Церкви, но с великим дерзновением защищали самоочевидную в Церкви Истину. Не держась «своего», они лично отказывались от своих ошибок, будучи максимально свободными, не защищали своей свободы. Защита своей свободы перед лицом высшей свободы в Церкви была бы защитой своей ограниченности, т. е. своего рабства. Самый вопрос о защите наших прав в Церкви — ложен, так как эти права неограниченны.

Противопоставлять себя — Церкви, свою мысль — Истине значит утверждать свое право на заблуждение. Церковь не отрицает и этого права: без *возможности* заблуждения не было бы *свободного* послушания Истине, пути к высшей свободе сынов Церкви. Но Она ограждает Истину, отделяя ее от лжи, осуждает учения, ограничивающие Истину, нарушающие ее апофатический характер, являющиеся в этом смысле «соблазном», т. е. препятствием к отрешенному постижению Истины членами Церкви. К защите Истины призваны все в Церкви, но Истина не внешний объект, сообразно которому каждый должен «урезывать» свою мысль, а лично данная каждому самоочевидность: не один общий, а множество отдельных языков пламени сошли в Пятидесятницу и почил на каждом. Потому каждый член Церкви может свидетельствовать об Истине, когда она искажается кем-либо из братьев. Потому же эта защита самоочевидной в Церкви Истины зависит не от количества

(«все» или «многие»), от «соборности» в ложном демократическом понимании этого слова, но от свободного согласия *хотя бы некоторых*, где свидетельством непогрешимости является единый в них Дух Божий, Источник самоочевидности Истины, и во всех. Отсюда неизбежность постепенного торжества Истины над ложным учением во всей Церкви.

Защита Истины в Церкви принадлежит всем, но обязанность этой защиты лежит *прежде всего* на епископах, харизматических охранителях порядка церковной жизни. Харизма не всегда достаточно культивируется, а потому отдельный епископ может ошибаться и в суждениях и в действиях. Однако его права (вернее, обязанности) судить о делах учения и принимать те или иные меры к ограждению паствы никто не может отрицать, хотя всякий (и прежде всего тот, кого коснулось осуждение) может спорить, доказывая несправедливость осуждения, обращаясь, если надо, к суду всей Церкви. «Репрессия» (если Вы хотите называть это репрессией) состоит в том, что человеку предлагается свободно решить, по совести убедиться, защищает ли он только *свою* мысль и *свой* опыт или же Истину, опыт Церкви. Те, кто хочет защищать свою мысль как только «свою» и не может от нее отказаться, справедливо несут отлучение. Церковь им не нужна, они предпочли Ей свое достояние (еретики). Те, кто имеет внутреннее самосвидетельство Истины и, возражая на осуждение, отстаивает свои высказывания как выражающие учение Церкви, борются за них, противостоя иерархам и соборам, в конце концов неизбежно побеждают (Св. Максим Исповедник, Св. Фотий, Св. Григорий Палама³ и многие другие отцы). Те, кто, будучи обличаемы, не уверены в истинности своих высказываний по тем или иным пунктам — если они подлинно внутренне свободны, легко признают свои ошибки и от них отказываются (Св. Дмитрий Ростовский, по вопросу об эпиклесисе)⁴.

Все сказанное столь нормально и очевидно, что становятся совершенно непонятными волнения и возмущения по поводу осуждения учения о. С. Булгакова м. Сергием Московским. Могу объяснить это только массовым помрачением церковного сознания, утратой внутренней свободы суждения, «мракобесием свободы».

4. Вы считаете, что Ваши взгляды могут быть признаны «еретическими» в большей степени, чем учение о. С. Булгакова, что Вы менее православны и церковны, чем он. В последнем Вы, может быть, правы. Но именно поэтому Церковь призывает к ответу о. С. Булгакова, ибо его богословие для Нее не

безразлично, и может пройти спокойно мимо Ваших, хотя бы и самых крайних высказываний, которые останутся для Нее не более чем частным мнением. «Кому много дано, с того много и спросится».

5. Вас удивило, что в своем письме я высказал сочувствие Вам. Напомню, что это сочувствие, и даже почитание, было отнесено мною лишь к некоторым, точно обозначенным мною сторонам Вашего творчества (обличение «церковной буржуазности», господства национализма в Церкви, отстаивание значения аристократического начала, понимание К. Леонтьева). Выражая сочувствие этим взглядам, я хотел яснее показать Вам, что мы (вопреки Вашему убеждению) не слепые «мракобесы», отвергающие огульно все, что высказывают инакомыслящие, но обладаем свободным и непредвзятым умом. Иной смысл в моем выражении сочувствия Вам трудно найти, хотя Вы, кажется, нашли возможным использовать эти слова, а также и основную интенцию моего письма к Вам в крайне неблагоприятном для меня смысле. Предвзятость не дает места не только христианскому, но просто справедливому отношению к ближнему, тем более к противнику. Кто же после этого «еретик против любви»?

6. Вы пишете, что о. С. Булгаков очень больной человек и что на него может очень плохо подействовать, «если будет продолжаться травля (?) против него». Как я узнал на днях, этот же аргумент был приведен кем-то м. Сергию. Он ответил на это, что тем более надо дать человеку возможность скорее отказаться от заблуждений. Конечно, такая точка зрения, естественная для христианина, глубоко чужда обывательски безбожным представлениям о любви.

Вот что могу сказать в заключение: если уж говорить о «травле», то травля ведется против нас, притом посредством самого уродливого вида «властвования», демагогии, инсинуации, клеветы и других орудий «общественного мнения». Пресса для нас закрыта. Мы не имеем возможности печатно высказать своих убеждений, а без этого условия всякая борьба против нас будет чистым насилием, позорным для тех, кто его употребляет. Если Вы отказываетесь напечатать наше «Разъяснение» в «Пути», чтобы тем не содействовать распространению осуждения о. С. Булгакова, то опубликуйте, по крайней мере, нашу переписку: Ваш ответ на «Разъяснение» и настоящее мое

письмо, в котором вопрос об о. С. Булгакове, по существу, не затрагивается. Этого требует не только христианская совесть, но просто джентльменское отношение к противнику.

Искренне уважающий Вас
Владимир Лосский, Б. Ф.
23 ноября 1935 г.

